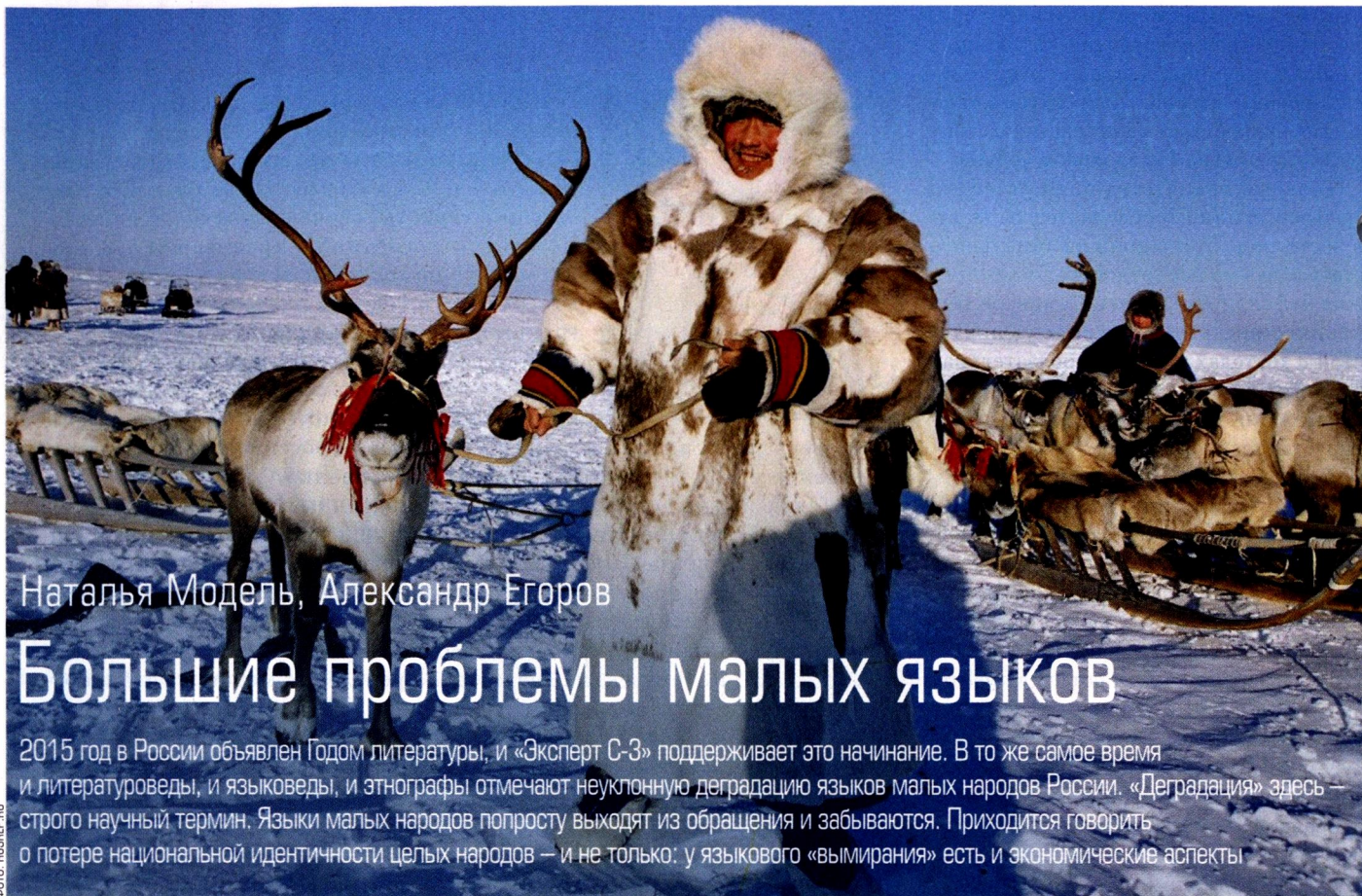

Наталья Модель, Александр Егоров

Большие проблемы малых языков

2015 год в России объявлен Годом литературы, и «Эксперт С-З» поддерживает это начинание. В то же самое время и литературоведы, и языковеды, и этнографы отмечают неуклонную деградацию языков малых народов России. «Деградация» здесь — строго научный термин. Языки малых народов попросту выходят из обращения и забываются. Приходится говорить о потере национальной идентичности целых народов — и не только: у языкового «вымирания» есть и экономические аспекты

ФОТО: RUSSREP.RU

Можно ли противостоять исчезновению языков малых народов, пытались выяснить петербургские ученые на круглом столе «Исчезающие языки России», приуроченном к Международному дню родного языка.

Основные тезисы обсуждались достаточно откровенно:

- с точки зрения нормального развития этносов, границы — это всегда плохо, и границы культурных пространств — тоже. Фактически происходит следующее: территориальное деление оказывается важнее языкового. Люди, в силу исторических обстоятельств оказавшиеся в зоне господства другого языка, теряют шансы вернуться в культурный контекст предков;

- деградация малых языков ведет к обеднению культурного контекста, и не только культурного. Здесь речь идет даже не о «корнях» и не о «духовных скрепах». В конце концов, в приграничных районах или в областях постоянного проживания двух (или нескольких) народов двуязычие — это нормальная ситуация. Причем двуязычие всегда идет на пользу, люди с двумя языками более адаптивны;

- для целого ряда областей Северо-Запада двуязычие — это не милый анахронизм, а ценное преимущество (в том числе и за счет лучшей адаптации носителей). Так,

в нынешних условиях финно- и карело-язычные люди в приграничных областях, и в Ленинградской области, и в Карелии, и в Санкт-Петербурге могли бы очень пригодиться в плане сотрудничества с финскими компаниями. Пока что складывается впечатление, что сами финны больше интересуются этим вопросом, чем российские власти на местах. Такое отношение следует признать неадекватным.

Да и в целом, в деле сохранения идентичности малых народов политическая воля исключительно важна.

Язык в коме

Малочисленные народы, о языковой культуре которых шла речь на круглом столе, локализованы в Сибири, на Севере и Дальнем Востоке. В СЗФО это, в частности, Коми и Карелия (где до сих пор распространены языки финно-угорской группы). Нужно заметить, что там с поддержкой национальных языков дело обстоит относительно неплохо. В местах, где само присутствие малых народов и наличие у них своего языка официально не закреплено, ситуация плачевна. На территории Северо-Запада, в частности Ленинградской области, проживают такие народы, как вепсы, воль (самоназвание — ватялайсет), ижора, ингерманландские финны (то есть потомки очень давних переселенцев). Численность последних уменьшилась на 40% с переписи

населения 2002 года по 2010-й, численность вепсов — на 34%. Сегодня число ингерманландских финнов составляет около 8 тыс., из них 1,5 тыс. могут хоть как то изъясниться на финском языке. Большинство молодых ингерманландских финнов языка не знает. Численность вепсов составляет 3,5 тыс., из них менее 1 тыс. говорят на вепском языке. Всего лишь около десяти человек воспроизводят ижорский язык, семь — водский. По мнению специалистов, порог «невозвращения» водского языка уже преодолен.

Языки малочисленных народов, ежедневно использование которых сокращается, во всем мире находятся в сложном положении. По статистике, предложенной ЮНЕСКО, на таких малых языках — общее их число составляет 96% — говорит 4% населения Земли. И это число неуклонно уменьшается в связи с тем, что носителями языка остаются пожилые люди в глухих деревнях, в то время как молодое поколение знает лишь отдельные фразы и не имеет желания учить язык. Метод оценки уровня жизнеспособности языка, выработанный ЮНЕСКО, приведен в таблице.

«Язык тесно связан со культурой, это неразделимые вещи, — считает заместитель директора Института лингвистических исследований РАН Евгений Головкин. — Мы видим мир через язык, через слова, выражения, метафоры. В связи с глобализацией самы-

Статус	Пояснение
Безопасный	Язык используется всеми поколениями, его передача между ними не нарушена
Уязвимый	На языке разговаривает большинство детей, но его использование может быть ограниченным (например, на языке говорят только дома)
Есть угроза исчезновения	Не изучается детьми как родной язык
Серьезная угроза	Используется старшими поколениями; понятен поколению родителей, но не используется при общении с детьми и между собой
На грани исчезновения	Самые младшие носители – старики. Язык ими используется частично и редко
Вымерший	Нет живых носителей

ми незащищенными оказываются языки этнических меньшинств. Они формально вроде защищены какими-то законами, но в реальной жизни не всегда такие законы работают из-за колоссального давления – политического или какого-либо другого. Русский язык формально получается важнее, если человек хочет учиться, работать. Молодое поколение переориентируется на русский язык, а сферой применения для языка меньшинств остается только сфера, связанная прежде всего с народными промыслами, как, например, оленеводство».

«Прежде чем говорить о сохранении языка, надо говорить о сохранении самого этноса, традиционной культуры, – уверена доцент кафедры этнокультурологии института народов Севера РГПУ им. А.И. Герцена **Софья Сорокина**. – Нужно думать о способах выживания этносов. Думать, как этносу иметь возможность сохранить себя, свою традиционную культуру, а потом уже этнос будет возрождаться, если будут созданы условия».

Таким образом, предполагается, что для полноценного функционирования языка необходима традиционная среда, традиционное хозяйство. Но как спасать, скажем, языки Севера, где все меньше пасут оленей и все больше живут в городах?

Государственное дело

Специалисты отмечают: проблему поддержки малых народов федеральные власти в основном «скинули» на регионы – а у тех отсутствуют необходимые средства. При этом государство должно возрождать «здоровый патернализм». «У нас в стране беда с национальной политикой – декларативна, существует лишь на бумаге, на практике не реализуется совсем», – считает Евгений Головкин.

В Республике Карелии карельский, вепсский и финский имеют статус языков национальных меньшинств, принят закон о поддержке этих языков. При этом этнические финны-переселенцы появились в Карелии (в 1920-х годах) гораздо позже, чем в Ленобласти (задолго до образования Петербурга), но в Ленинградской области никакой статус финскому языку не присвоен. Впрочем, по мнению председателя общества ингерманландских финнов «Инкерин Лиитто» Владимира Кокко, в последнее вре-

мя правительство Ленинградской области предпринимает усилия для сохранения финно-угорских малочисленных народов. Была принята государственная программа, направленная на возрождение и просвещение национального самосознания.

Комментируя эффективность мер, предусмотренных Федеральным законом «О гарантиях прав малочисленных народов», председатель Ассоциации коренных и малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ **Надежда Булатова** отмечает: нет механизма применения этого нормативного акта, нет финансирования, за счет чего все, что прописано в законе, становится бы возможным. «Все что происходит и чего добиваются люди, – это заслуга регионов и самих народов», – уверена она.

Еще одна проблема – возможность (или невозможность) изучать язык. Так, преподавание языков малых народов ведется только в местах компактного проживания населения. Если же люди разбросаны по различным местностям, то они лишаются такой возможности. Также сохраняется обучение там, где есть хозяйственная деятельность – оленеводство, рыболовство. Сейчас обучение национальному языку в школах производится один час в неделю, что, безусловно, недостаточно. Как отмечает Надежда Булатова, чувствуется и нехватка преподавателей.

Остро стоит и вопрос с учебной литературой для изучения языков. В 2009 году издательство «Просвещение» прекратило публикацию учебно-методической литературы для всех школ Севера. Эту работу теперь осуществляют местные издательства (где они есть) за счет администрации регионов, где компактно проживают эти этносы.

Язык как средство производства

Интересный аспект для Санкт-Петербурга – потребность в финноязычных кадрах. Владимир Кокко отмечает проблему изучения финского языка в Северной столице: «Сегодня финский язык в Санкт-Петербурге – исчезающий язык, и это парадоксальная ситуация. В школах Санкт-Петербурга и Ленинградской области преподается финский язык как иностранный, две школы в Санкт-Петербурге сохраняют статус спе-

циализированных с изучением финского языка, язык изучается учениками со второго класса. В остальных школах – финский язык в форме факультатива. Но гигантская проблема в том, как он преподается. Учителей финского языка не готовят. В СПбГУ принимают на обучение пять-семь человек, в 2014 году выпустили пять магистров, из них три студента устроились работать в Генеральное консульство: иными словами, выпускники не спешат идти в учителя. Между тем утрата финского языка – это ущерб интересам государства, так как нет другой страны, у которой были бы более тесные связи с Финляндией, чем у России. Около 500 финских фирм работает в городе, и им скоро не будет хватать переводчиков и сотрудников. Надо что-то делать, что-то менять».

Действительно, пока что больше озабочены этим вопросом сами финны, спонсируя некоторые «языковые» программы. К числу таких программ относится проект «Финно-угорские языки и культуры в дошкольном образовании», который реализуется с 2013 года в контексте многих проектов двух соседствующих государств и соответствует основам заключенного в 1992 году Соглашения между правительством Российской Федерации и правительством Финляндской Республики о сотрудничестве в области культуры, образования и научно-исследовательской деятельности.

Проект опирается на потребности и инициативы самих финно-угорских народов – а такие инициативы, бесспорно, существуют. Возможно, здесь первичен экономический интерес (тем, кто владеет языком, легче найти работу). Однако не стоит сбрасывать со счетов и другие мотивы.

«Главное условие сохранения и возрождения языка – это желание самих носителей сохранить его, – поясняет Евгений Головкин. – В центре этого желания – стремление к самоидентификации. Группы людей хотят отличаться от остальных: у нас есть своя культура, свой язык – вот в этом желании все и держится. Желание самих людей выучить язык – это важно. Дело государства – создать условия, обеспечить финансирование, а там уж люди сами разберутся. Если есть желание заявить о себе – тогда будет и преподавание в школе, и изучение».

Действительно, если сами представители малых народов не будут заинтересованы в существовании своей культуры, никакое финансирование и никакие государственные программы поддержки тут не помогут. Язык и литература – не артефакт и не музейная ценность. Как бы странно это ни звучало, в данном случае сохранение национального языка – дело самих носителей этого языка. Без них и языку, и культуре просто негде будет существовать.

Санкт-Петербург